E18—
1115

205 E18 П15

І. ВЛАДИСЛАВЛЕВЪ.

МИРЪ ИЛИ ВОЙНА.

Соціальная библіотека.

Петроградъ. 1917 г.

Ц. 20 к.

Государ. публичная
историческая
библиотека РСФСР
№ 27879 1964

E18 — 1115

Мы споримъ о войнѣ, споримъ съ ожесточеніемъ и небывалой настойчивостью, но, увы, споримъ безрезультатно. И къ тягостному послѣ всѣхъ такихъ споровъ осадку примѣшивается жгучее чувство — стыда. Стыда за нашу не то неспособность, не то просто неумѣніе противопоставлять произвольно надуманнымъ доводамъ—факты и только факты. Со столбцовъ большевистской печати изо дня въ день льется самая беззастѣнчивая проповѣдь разрушенія всей нашей государственности, въ собраніяхъ то и дѣло раздаются рѣчи, способныя хоть кого привести въ отчаяніе своей необоснованностью и отсутствіемъ въ нихъ капли здраваго смысла, но строго организованнаго и продуманнаго во всѣхъ своихъ деталяхъ отпора всѣмъ этимъ разрушительнымъ стремленіямъ мы все-таки не видимъ. И за будущее становится страшно.

Предлагаемая брошюрка представляетъ собою рядъ обобщеній, облегчающихъ возможность разобраться въ сложномъ вопросѣ о войнѣ и мирѣ исключительно на основаніи фактовъ.

Основной ея тезисъ—война до конца, вплоть до того времени, пока врагъ не признаетъ себя побѣжденнымъ.

* * *

Со времени изданія Петроградскимъ Совѣтомъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ извѣстнаго призыва къ трудящимся всѣхъ воюющихъ странъ прошло уже больше мѣсяца, время вполнѣ достаточное для того, чтобы, какъ слѣдуетъ, разобраться въ этомъ вопросѣ и вынести то или иное рѣшеніе. И что же мы видимъ?

На призывъ не откликнулся никто; ни одна демократія въ мірѣ не рѣшилась „черезъ голову правительства“ предложить миръ, ни одна партія въ мірѣ не одобрила плана насильственнаго вмѣшательства въ общее дѣло войны. И только въ Германіи—судя по послѣднимъ газетнымъ свѣдѣніямъ отъ 25 апрѣля—выработаны соціалъ-демократіей платоническія условія мира, которыхъ она, конечно, отнюдь не намѣрена поддерживать силой.

Спрашивается, что же при такихъ условіяхъ дѣлать намъ ,русскимъ? Ждать еще—и въ ожиданіи рѣшительныхъ дѣйствій заниматься составленіемъ резолюцій и „братаніемъ“ по директивамъ германскаго генеральнаго штаба? И если ждать, то какъ долго, мѣсяцъ, два, три, или того больше? И къ чему все это можетъ въ концѣ-концовъ привести?—вотъ тѣ вопросы, которые стоятъ сейчасъ передъ каждымъ изъ насъ, мучаютъ насъ и не даютъ ни днемъ, ни ночью покоя.

Да и какъ они могутъ дать намъ этотъ столь желанный покой, разъ положеніе, дѣйствительно, становится изъ ряду вонъ выходящимъ? Мы всѣ всей душой стремимся къ миру и желаемъ разойтись по домамъ, начать новую жизнь, на совершенно новыхъ началахъ. Но другіе народы, повидимому, не желаютъ расходиться и хотятъ воевать до конца. Что же при такихъ условіяхъ остается дѣлать намъ, столь миролюбивымъ и всепрощающимъ? Уйти подальше отъ грѣха? Но какъ уйти? Вѣдь тогда придется обмануть тѣхъ, кто намъ повѣрилъ и вступилъ въ борьбу, надѣясь между прочимъ и на насъ. Ихъ, довѣрчивыхъ и въ первую очередь Сербію, выдать съ головой? Но вѣдь тогда можетъ случиться, что насъ сочтутъ измѣнниками, и наши сегодняшніе союзники завтра же превратятся въ нашихъ враговъ. И на подмогу этимъ новымъ врагамъ явится все та же Германія и ударитъ насъ въ спину...

Что же дѣлать? Что предпринять?

Остается одно—пересмотрѣть основанія нашего призыва, провѣрить ихъ, нѣтъ ли въ нихъ какой-либо ошибки, и, если такая ошибка найдется, исправить ее. Другого выхода нѣтъ и быть не можетъ.

Основныя ошибки призыва.

И тѣ, кто составлялъ призывъ, и тѣ, кто повѣрилъ въ чудодѣйственную силу этого призыва, исходили изъ слѣдующихъ, казавшихся имъ неопровержимыми положеній.

Война 1914—1917 гг., какъ и всякая другая война, началась и ведется исключительно капиталистами всѣхъ странъ и народовъ изъ-за интересовъ тѣхъ же капиталистовъ, изъ-за господства надъ міромъ, изъ-за рынковъ для фабрикантовъ, заводчиковъ и банкировъ, изъ-за грабежа болѣе слабыхъ народностей. Грабятъ и дѣлятъ только капиталисты. Они же наживаютъ на политикѣ захватовъ и войнѣ чудовищные, сказочные барыши, занимаются военными подрядами и поставками и на ряду съ этимъ облагаютъ всѣ народы и страны особой данью въ видѣ высокихъ процентовъ по многомилліарднымъ военнымъ займамъ. Что же касается крестьянъ и рабочихъ, то они должны только гибнуть, разоряться и голодать—и все это дѣлать опять-таки исключительно въ угоду капиталистамъ. Возможно ли такому вопіющему „порядку" положить какой-либо конецъ?.. Вполнѣ возможно. Стоитъ лишь крестьянамъ и рабочимъ всѣхъ воюющихъ странъ сообща сговориться, сложить оружіе и просто разойтись по домамъ. Тогда всѣ правительства, эти вѣрные приспѣшники капиталистовъ и фабрикантовъ, немедленно пойдутъ на уступки и заключатъ между собою миръ вѣчный и нерушимый.

Такъ ли обстоитъ дѣло въ дѣйствительности, и не нуждаются ли всѣ эти положенія въ какихъ-либо оговоркахъ и дополненіяхъ?

Нуждаются безусловно.

Прежде всего нельзя смѣшивать такія вещи, какъ война и захватная, иначе, имперіалистическая политика. Нѣтъ словъ, не будь захватной политики, не было бы и захватныхъ войнъ. Однако, одно дѣло война, и другое дѣло—захватная политика, поскольку дѣло касается непосредственныхъ послѣдствій той и другой. Война, которая уже вспых-

нула, конечно, всей своей тяжестью обрушивается на малоимущіе, трудящіеся классы населенія, но другое дѣло—захватная политика, которая далеко не всегда заканчивается войной, и которая по общему правилу для рабочаго является выгодной.

И дѣйствительно, если мы болѣе внимательно вдумаемся въ сущность настоящаго вопроса, то безъ всякаго съ нашей стороны труда замѣтимъ слѣдующее. Допустимъ, что какое-нибудь мало-мальски окрѣпшее и развившее у себя промышленность государство вступило на путь имперіалистическихъ захватовъ. Что является непосредственнымъ слѣдствіемъ этого шага? Во первыхъ, развитіе такъ называемаго милитаризма, то-есть, военной мощи такого государства и, во-вторыхъ, усиленная работа на заграничные рынки, способствующая увеличенію заработной платы рабочаго. На ряду съ этимъ часть рабочихъ уходитъ въ казармы, и это обстоятельство, въ свою очередь, тоже способствуетъ увеличенію заработной платы и уменьшенію числа безработныхъ. Правда, часть этой заработной платы отнимается государствомъ въ видѣ усиленныхъ налоговъ, но большая ея часть все же остается въ карманѣ рабочаго. Кромѣ того, нѣкоторая часть крестьянъ и рабочихъ получаетъ возможность съ захватомъ новыхъ областей переселиться на новыя мѣста и въ дѣйствительности переселяется на эти мѣста. А такъ какъ такого рода уходъ части рабочаго населенія опять-таки сокращаетъ число рабочихъ рукъ, то естественно, что заработная плата оставшихся рабочихъ опять начинаетъ расти. Въ конечномъ итогѣ имперіалистическая политика захватовъ является выгодной отнюдь не для однихъ только капиталистовъ и фабрикантовъ.

Однако, такой безпрерывный ростъ заработной платы и вызываемаго имъ благосостоянія рабочаго класса не продолжается вѣчно. На международномъ рынкѣ одинъ за другимъ начинаютъ появлятся конкуренты-соперники, бьющіе главнымъ образомъ на дешевизну своихъ товаровъ. Естественно, что появленіе такихъ конкурентовъ немедленно же отражается на самочувствіи фабриканта старой имперіалистической страны, и что

такой фабрикантъ первымъ же дѣломъ начинаетъ стремиться къ тому, чтобы соотвѣтственнымъ образомъ понизить заработную плату у себя дома. А такъ какъ подобное сокращеніе заработной платы лишаетъ рабочаго возможности жить такъ, какъ онъ жилъ раньше, до появленія конкурентовъ, то опять-таки естественно и то, что рабочій начинаетъ тяготиться новымъ направленіемъ имперіалистической политики и становится недовольнымъ.

Что же изъ всего этого слѣдуетъ? Слѣдуетъ то, что сами трудящіеся относятся разно къ захватной политикѣ ихъ правительствъ, и что въ молодыхъ имперіалистическихъ странахъ они этой политикѣ сочувствуютъ больше, чѣмъ въ старыхъ, гдѣ уже замѣтно даетъ себя знать извѣстная общая неудовлетворенность положеніемъ.

И вотъ, у насъ самъ собою возникаетъ вопросъ, почему составители призыва не учли этого обстоятельства,—какія причины заставили ихъ обойти этотъ вопросъ полнымъ молчаніемъ?

Пойдемъ, однако, дальше и посмотримъ, не допущена ли составителями призыва такая же ошибка и по отношенію къ фабрикантамъ и вообще капиталистамъ... Увы, есть такая ошибка и здѣсь. Опять не принято во вниманіе естественное раздѣленіе имперіалистическихъ государствъ на молодыя и старыя.

Допустимъ, что буржуазный фабрикантъ или капиталистъ не что иное, какъ хищникъ. Развѣ между молодымъ и старымъ хищниками не существуетъ никакой разницы?.. Вѣдь стоитъ только сравнить такого фабриканта съ тѣмъ же хотя бы волкомъ,—развѣ между старымъ и молодымъ звѣремъ такъ и не замѣчается никакого различія? Молодой и полный силъ звѣрь еще не отвѣдалъ дубины пастуха и собачьихъ зубовъ, и ему все еще нипочемъ. Но не то старый, пожившій и видавшій на своемъ вѣку виды матерый волкъ. Онъ бывалъ во всякаго рода передрягахъ, и шерсть у него виситъ клочьями. Въ немъ нѣтъ уже прежней самонадѣянности, онъ остороженъ и предпочитаетъ дѣйствовать сообща, скопомъ. И точь въ точь такъ же поступаютъ государства—народы и хищники всѣхъ ран-

говъ и наименованій. Германскому хищнику, который только 2—3 десятка лѣтъ подвизается на международномъ поприщѣ, все еще нипочемъ. Онъ самонадѣянъ до смѣшного и устами своихъ полководцевъ и ученыхъ вродѣ Бернгарди заявляетъ, что „насъ, нѣмцевъ, ждетъ только одно изъ двухъ, владычество надъ всѣмъ міромъ или погибель". Но старый хищникъ, который уже второе столѣтіе наводитъ цивилизацію, не то держитъ у себя на умѣ. Онъ усталъ нѣсколько, онъ по прежнему хочетъ наживать, но наживать спокойно, безъ хлопотъ, съ удобствомъ. И вотъ онъ уже не кричитъ, не суетится, а спокойно обдумываетъ свой планъ, какъ помочь дѣлу, какъ повести это дѣло такъ, чтобы всѣмъ хищникамъ по прежнему жилось хорошо и никому изъ нихъ не было обидно.

Въ результатѣ—передъ нами вторая ошибка призыва, почему-то не желающаго считаться съ тѣмъ, что и сами хищники р а з н о—и каждый по своему—смотрятъ на имперіалистическую политику захватовъ. Составители призыва полагаютъ, что настоящая война есть не что иное, какъ простая свалка изъ-за добычи, между тѣмъ, какъ, въ дѣйствительности, намъ приходится имѣть здѣсь дѣло съ явленіемъ неизмѣримо болѣе сложнымъ и запутаннымъ. Въ 2—3 словахъ намъ этого явленія здѣсь, конечно, не описать, но то, что въ данномъ случаѣ напрашивается само-собою на выводъ, отмѣтить необходимо:

Міровая война 1914—1917 г.г. не есть просто борьба поссорившихся изъ-за добычи хищниковъ, а нѣчто болѣе сложное и значительное. Это борьба всѣхъ старыхъ имперіалистическихъ государствъ-народовъ противъ одного молодого—Германіи, борьба за то, чтобы заставить его сдаться и вступить въ качествѣ полноправнаго, но рядового члена въ общее содружество.

Такъ нужно понимать настоящую войну, если даже исходить изъ того упрощеннаго представленія, что фабрикантъ только хищникъ и ничего больше. И вотъ у насъ опять является вопросъ, почему составители призыва и это обстоятельство обошли полнымъ молчаніемъ и всѣхъ хищниковъ смѣшали въ одно?

Не будемъ, однако, останавливаться сейчасъ и на этомъ вопросѣ и пойдемъ искать дальнѣйшихъ ошибокъ. Кстати ихъ еще много.

Призывъ считаетъ всѣхъ буржуа хищниками и предлагаетъ всѣмъ трудящимся преодолѣть всю стаю этихъ хищниковъ своимъ соглашеніемъ—разойтись по домамъ. Прекрасно. Но какъ быть въ такомъ случаѣ съ той положительной работой, которую до сихъ поръ дѣлали всѣ хищники, со всѣмъ громаднымъ торговымъ обмѣномъ, съ банками, желѣзнодорожной и телеграфной сѣтями, съ огромными промышленными предпріятіями, съ воскресшими, раньше пустовавшими материками, на которые все еще продолжаетъ литься золотой дождь?... Вѣдь, если мы отнимемъ у буржуазіи право распоряжаться имперіалистической политикой, всѣ эти предпріятія и начинанія окажутся въ корнѣ подрѣзанными... Кто тогда будетъ ими распоряжаться, кто возьметъ на себя дальнѣйшую отвѣтственность за ихъ процвѣтаніе и ростъ? Рабочіе?—новый соціалистическій строй?—Но вѣдь сами же рабочіе говорятъ, что для соціализма время еще не приспѣло. Слѣдовательно—кто?...

И вотъ передъ нами новая ошибка призыва. Буржуазія еще не сказала своего послѣдняго слова, она еще далеко не изжила самое себя. Она вся еще въ будущемъ. Слѣдовательно, гдѣ же та сила, которая могла бы сейчасъ заставить ее отказаться отъ того, что составляетъ ея неотъемлемую сущность... Этой силы нѣтъ, эта сила еще только въ зачаткѣ, и съ этимъ обстоятельствомъ мы должны считаться. А на ряду съ этимъ мы должны считаться и съ тѣмъ, что буржуазія старыхъ имперіалистическихъ странъ носится сейчасъ съ чрезвычайно широкими планами. Она мечтаетъ о заправскомъ буржуазномъ интернаціоналѣ, который долженъ опередить интернаціоналъ рабочихъ и первымъ водрузить на землѣ знамя вѣчнаго мира. Буржуазіи въ цѣломъ—этому старому волку—уже не нравится теперешній распорядокъ, она тяготится безпорядочной и безпокойной конкуренціей соперниковъ. И, наконецъ, ее удручаетъ, какъ хозяина въ дѣлѣ, теперешняя непроизводительная трата чело-

вѣческой крови и золота; война представляется ей уже чѣмъ-то устарѣвшимъ и потерявшимъ всякій смыслъ. И вотъ она мечтаетъ уже о мирѣ всего міра, о стройномъ содружествѣ всѣхъ народовъ, объ орошеніи Сахары, о чудовищныхъ по своимъ размѣрамъ предпріятіяхъ, которыя покрыли бы собою весь міръ. А такъ какъ на пути этого головокружительнаго развитія и блеска стоитъ одна только Германія, которая сама надѣется покорить міръ, то слѣдовательно Германію надо обезвредить и разъ на всегда покончить съ милитаризмомъ.

Спрашивается, что же при такихъ условіяхъ можетъ сдѣлать рабочій, еще только приступившій къ внутренней организаціи своихъ силъ и въ довершеніе всего еще всецѣло зависящій, питающійся плодами имперіалистической политики буржуазіи... Конечно, ничего и—странно, что нашъ призывъ и это обстоятельство обходитъ полнымъ молчаніемъ.

И, наконецъ, на ряду со всѣмъ этимъ нашъ призывъ совершенно не находитъ нужнымъ считаться съ народами, съ ихъ чаяніями и надеждами.

Что значатъ для французскаго капиталиста, какъ фабриканта, тѣ же, хотя-бы, Эльзасъ и Лотарингія, захваченныя нѣмцами у Франціи въ 1870 году, если эти провинціи не давали ему нужнаго сырья, которое онъ могъ бы въ видѣ уже готоваго товара отправлять, допустимъ, въ Голландію? — И что значитъ опять та же, хотя-бы, Лотарингія для парижскаго рабочаго, если онъ ее и въ глаза никогда не видалъ и работалъ всегда исключительно на парижскій рынокъ? Казалось бы, что ничего. Но попробуйте въ такомъ именно смыслѣ поговорить съ французскимъ фабрикантомъ или рабочимъ, что они вамъ скажутъ на это? — Они возмутятся и скажутъ вамъ, что каждый изъ нихъ прежде всего французъ, а уже потомъ фабрикантъ или рабочій.

Рабочій и буржуазный классы играютъ въ хозяйствѣ огромную, исключительную роль. Но все же этой роли нельзя преувеличивать и нельзя классамъ придавать такого значенія, какого они уже въ дѣйствительности не имѣютъ. И рабочій, и капиталистъ

являются тѣмъ остовомъ-костякомъ, на которомъ держится весь хозяйственный строй. Но самъ по себѣ костякъ еще не весь организмъ. На ряду съ нимъ въ тѣлѣ имѣются еще и мышцы, и жилы, и кровь, и различные органы вродѣ мозга, сердца и печени, и эти органы играютъ тоже не маловажную роль.

Благодаря дѣйствію и вліянію этихъ органовъ въ организмѣ происходитъ чрезвычайно сложный обмѣнъ: идеи и устремленія, свойственныя одному только классу, исподволь просачиваются въ другіе слои,—и классъ, какъ таковой, перестаетъ быть исключительнымъ носителемъ того или иного идеала. И, наконецъ, тотъ же взаимный обмѣнъ даетъ толчокъ возникновенію новыхъ представленій и образовъ, выходящихъ за предѣлы не только отдѣльнаго класса, но и цѣлаго народа—государства.

И съ этимъ надо считаться, иначе легко впасть въ жестокую и трудно исправимую ошибку и изъ-за деревьевъ не замѣтить лѣса—народа.

Таковы въ общихъ чертахъ ошибки и недомолвки Петроградскаго (я бы даже просто назвалъ его — русскимъ) призыва, и весь вопросъ сейчасъ въ томъ, почему всѣ эти ошибки были допущены. Вѣдь нельзя же серьезно полагать, чтобы ихъ не замѣтили составители призыва, люди, какъ извѣстно, прекрасно знакомые съ дѣйствительными условіями жизни на Западѣ.

Изъ многочисленныхъ объясненій, которыя въ данномъ случаѣ невольно приходятъ на умъ, естественнѣе всего остановиться на томъ, что призывъ вылился изъ переполненнаго, не разсуждающаго сердца. Когда онъ составлялся, его составители жили еще крайне приподнятой жизнью, вопросъ обсуждался подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ только что пережитыхъ событій, среди ликованій только что одержавшихъ громадную побѣду народныхъ трудовыхъ массъ. И что удивительнаго, если подъ вліяніемъ этой побѣды мелькнула мысль-предположеніе, что и другіе народы послѣдуютъ нашему примѣру... Что и они пожелаютъ вздохнуть полной грудью, какъ вздохнули и мы...

И вотъ намъ теперь словно приходится каяться. Западный міръ, какъ оказывается, нашего призыва не

пріемлетъ, онъ живетъ особой и намъ чуждой жизнью. И выходитъ на повѣрку, что мы одни, одинокіе, всѣмъ чужіе и никому не нужные.

Какъ же намъ быть?

Неоцѣнимая заслуга русскаго призыва заключается въ томъ, что онъ открылъ намъ глаза и въ значительной степени упростилъ казавшійся до тѣхъ поръ крайне сложнымъ вопросъ о войнѣ и мирѣ. Мира воюющіе государства—народы пока что еще не желаютъ; если же мы сами въ ущербъ и нашимъ собственнымъ и союзническимъ интересамъ заключимъ съ Германіей сепаратный миръ, насъ сочтутъ просто измѣнниками.

И въ этомъ, повторяю, заключается положительная сторона призыва, какъ документа. Благодаря этому документу мы всѣ имѣемъ теперь возможность знать, какъ обстоятъ дѣла на самомъ дѣлѣ: передовыя демократіи міра предпочитаютъ итти къ намѣченной цѣли болѣе труднымъ, но за то и болѣе надежнымъ путемъ, чѣмъ нашъ...

И въ этомъ вся сущность вопроса и нашего съ ними расхожденія.

ПЕРСПЕКТИВЫ.

Сомнѣвающихся много, и съ нашей стороны было бы непростительной ошибкой, если бы мы не поставили точку надъ „і“. А потому поставимъ ее и спросимъ себя:

что ожидаетъ Россію, если она по настоянію своихъ „пораженцевъ“ заключитъ сепаратный миръ?—и

что ожидаетъ ее же, если у насъ одержитъ рѣшительный перевѣсъ такъ называемая „оборонческая“ точка зрѣнія, пресловутое „ни шага назадъ, но за то и ни шага впередъ?“

Мы уже знаемъ, что настоящая война не есть война хищниковъ, перессорившихся изъ-за добычи, а настоя-

щій крестовый походъ всего цивилизованнаго міра противъ центральныхъ державъ, мѣшающихъ объединенію всѣхъ государствъ-народовъ въ одинъ мощный производительный союзъ съ ярко выраженной демократической окраской въ рамкахъ существующаго капиталистическаго строя, или, другими словами, война противъ державъ, проповѣдующихъ милитаризмъ и грубое захватное право и провозглашающихъ Германію единственной повелительницей и устроительницей всего міра.

Имѣетъ ли это обстоятельство какое либо рѣшающее значеніе? Безусловно, ибо задачи, которыя стоятъ сейчасъ передъ союзниками, и которыя всецѣло опредѣляются вызывающимъ поведеніемъ Германіи, придаютъ всему спору о войнѣ рѣзко принципіальный характеръ. А разъ эти задачи принципіальны—и за разрѣшеніе ихъ принялась Англія, эта вѣковая поборница и защитница правъ на самоопредѣленіе народностей, и разъ она дала міру свое честное слово права эти защитить, она ихъ защититъ, чего бы ей это ни стоило, цѣною какихъ угодно жертвъ. И съ этимъ обстоятельствомъ намъ и необходимо считаться. Будь это простая война изъ-за добычи, изъ-за рынковъ для капиталистовъ и территорій для эмигрантовъ, нашъ выходъ изъ игры ознаменовался бы только открытіемъ торгашескихъ переговоровъ. Однако, въ данномъ случаѣ этого нѣтъ, въ дѣло замѣшаны принципы, и поэтому положеніе наше куда серьезнѣе. Если мы завтра заключимъ съ Германіей сепаратный миръ, мы этимъ не только разъ на всегда добровольно вычеркнемъ себя изъ списка честныхъ людей, не только опозоримся передъ лицомъ всего міра, а въ томъ числѣ и передъ лицомъ Германіи и даже Турціи, но и вызовемъ со стороны нашихъ прежнихъ союзниковъ цѣлый рядъ „соотвѣтствующихъ мѣропріятій“. Въ чемъ именно выразятся эти мѣропріятія, сказать пока трудно, но что эти мѣропріятія воспослѣдуютъ, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія.

Вѣдь не надо забывать, что въ случаѣ сепаратнаго мира съ Германіей мы бы съ перваго же дня, благодаря нашей разрухѣ, очутились въ полнѣйшей эконо-

мической зависимости отъ германцевъ, точь въ точь въ такомъ положеніи, въ какомъ находится сейчасъ Турція, что въ конечномъ результатѣ Россія превратилась бы для Германіи и Австро-Венгріи въ громадную питательную военную базу, и что уничтоженіе этой базы сдѣлалось бы насущнѣйшей и ближайшей задачей нашихъ вчерашнихъ союзниковъ...

Виды на миръ не изъ важныхъ.

Однако, пойдемъ дальше и посмотримъ, что сулитъ „оборончество".

Обратимся къ лицамъ, проповѣдующимъ „оборону" и послушаемъ, что они говорятъ:

„Наступать только ради того, чтобы не дать повода обвинять насъ въ измѣнѣ,—этого мы не можемъ. Пусть кто угодно говоритъ, что, не подвигаясь впередъ, мы тѣмъ самымъ позволяемъ нѣмцу въ самый рѣшительный моментъ перебрасывать цѣлыя дивизіи на западный фронтъ, впередъ идти мы не сможемъ. И не сможемъ двинуться впередъ не потому, чтобы мы не понимали, что такое честь и принятое на себя обязательство, а потому, что у насъ нѣтъ общихъ кровныхъ цѣлей съ союзными буржуазными правительствами и есть только — бумага, „клочекъ бумаги". Этого клочка бумаги мы не рвемъ, какъ рветъ его нѣмецъ, а только говоримъ—не требуйте отъ насъ невозможнаго, мы сдѣлали уже все, что могли".

„Наступать только ради того, чтобы уничтожить германскій имперіализмъ и дать возможность установиться международному имперіализму—на такой шагъ мы тоже не способны, проживемъ и безъ буржуазнаго интернаціонала".

„Наступать ради Сербіи и Бельгіи... Но вѣдь мы сами истекаемъ кровью, и земля наша не засѣяна, и скота не стало, и фабрики на половину остановились, и подвоза нѣтъ, и разруха такая, что въ пору съ ума сойти".

„Наступать ради Польши... Но вѣдь мы же отъ нея отказались".

„Наступать во имя правды и справедливости... да гдѣ онѣ, эти правда и справедливость, разъ мы сами

не понимаемъ, что у насъ творится, и стрѣляемъ другъ въ друга".

„Помилуйте, какъ при такихъ условіяхъ наступать! Оглянитесь назадъ, на нашъ тылъ! Посмотрите, что тамъ дѣлается, разруха полная!"

Да, разруха полная и разбродъ полный, и нѣтъ налицо никакихъ данныхъ, которыя давали бы возможность разсчитывать хотя бы на минимальный успѣхъ. И, тѣмъ не менѣе, если мы и должны сейчасъ о чемъ либо думать, то только о наступленіи, только о томъ, чтобы скорѣе вырваться изъ того стоячаго болота, въ которомъ мы очутились, съ одной стороны, благодаря отсутствію отклика на нашъ призывъ въ средѣ союзническихъ демократій, а съ другой — благодаря іудинымъ поцѣлуямъ нѣмцевъ. Это стояніе на мѣстѣ, хорошее въ теоріи, но нелѣпое на практикѣ, въ корнѣ развращаетъ и армію и народъ, оно лишаетъ насъ послѣдней доли энергіи и предпріимчивости и въ конечномъ результатѣ угрожаетъ намъ послѣдствіями стократъ худшими, чѣмъ послѣдствія сепаратнаго мира. При сепаратномъ мирѣ ближайшихъ недѣль дезорганизованность нашей хозяйственной жизни не была бы еще настолько полной, чтобы нашъ врагъ немедленно и всецѣло могъ захватить въ свои руки всѣ нити нашей хозяйственной жизни. Но онъ захватитъ ихъ сразу и самымъ рѣшительнымъ образомъ, если мы будемъ „обороняться" еще какихъ-нибудь 3 — 4 мѣсяца и будемъ только и дѣлать, что составлять резолюціи. Тогда онъ дѣйствительно возьметъ насъ уже голыми руками, какъ стадо погонитъ жалкіе остатки нашей когда то доблестной арміи и захватитъ столько нашей территоріи, сколько ему это покажется нужнымъ.

* * *

Благодаря призыву и тѣмъ перспективамъ, которыя онъ передъ нами открываетъ, мы очутились на распутьи. Однако это „на распутьи" совсѣмъ не заключается въ томъ, что намъ предоставленъ свободный выборъ мира или войны (большое и непростительное заблужденіе предполагать, что въ этомъ отношеніи мы

можемъ рѣшить что либо самостоятельно), а въ томъ что намъ теперь предстоитъ рѣшить вопросъ—продолжать ли намъ воевать съ нѣмцемъ или — дѣйствовать съ нимъ заодно...

И, если мы рѣшимся на второе и заключимъ сепаратный миръ или будемъ „обороняться", неумолимый Рокъ скажетъ намъ свое послѣднее слово: СВОБОДНОЙ—РОССІИ НЕ БЫВАТЬ!